

В.Ю. Мурзин

МОИ ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ С АЛЕКСЕЕМ ИВАНОВИЧЕМ ТЕРЕНОЖКИНЫМ ¹

Будучи семиклассником, я стал посещать археологический кружок при Детской экскурсионно-туристической станции в г. Запорожье. Руководитель кружка И.И. Бурцев, учитель истории по специальности, был фанатичным приверженцем пешего туризма. Под его руководством мы с удовольствием ходили в разнообразные походы, в том числе и многодневные. Но от археологии он был весьма далек, поэтому наше знакомство с этой загадочной наукой сводилось к частым вылазкам на Лысую Гору (среди прочих Лысых Гор, которых немало на территории Украины, есть такая и под Запорожьем), у подножия которой, в слоях, размытых Днепром, можно было собрать подъемный материал разных эпох.

Первая встреча с Алексеем Ивановичем. Однажды Иван Иосифович — дело было в самом начале летних каникул, в июне 1966 г., возбужденно сообщил нам, что случайно познакомился с профессором Тереножкиным, который сейчас исследует курганы у с. Беленькое (неподалеку от Запорожья, на правом берегу Днепра) и испытывает острую потребность в рабочей силе. Поэтому желающие могут помочь профессору. Поехать в экспедицию вызвались я и еще три мои товарища по кружку. Я тогда окончил 8 класс, остальные были на год старше.

На ступеньках местной сельской школы, где размещалась экспедиция (Алексей Иванович испытывал особую любовь к пустующим летом школам и при малейшей возможности старал-

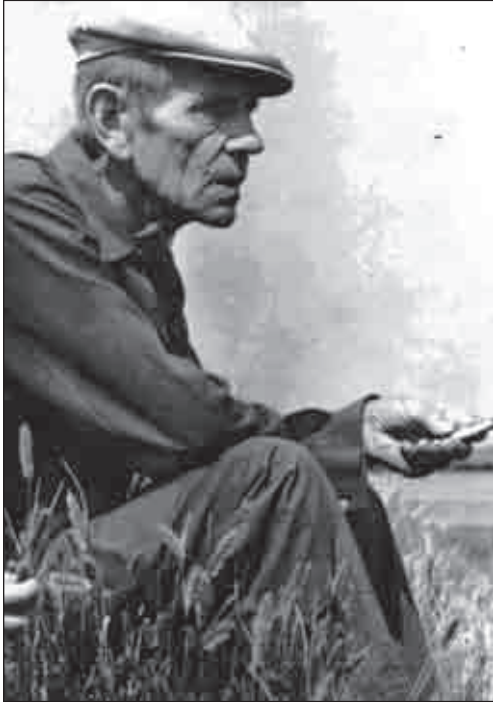
ся там отабориться) мы увидели невысокого, худенького мужчину в темных брюках от хлопчатобумажного костюма (были такие костюмы, в которые любили носить сельские мужчины из-за их стоимости — если память мне не изменяет, цена такого наряда составляла 3 рубля 50 коп.), светлой майке и фетровой шляпе. Этот ансамбль дополняла черная полевая сумка из кирзы, в которых обычно носили свои инструменты сантехники.

Приняв его за рабочего, мы спросили, где найти профессора Тереножкина. К великому нашему удивлению профессором — а по фильмам мы их представляли себе степенными мужчинами в добротной одежде, с окладистой бородой и ермолкой на голове, и оказался тот самый невзрачный на первый взгляд человек.

Кстати, звание «профессор» настолько не вязалось с его внешностью, что дело порой доходило до курьезов. На следующий год, когда мы во главе с Алексеем Ивановичем проводили разведку в окрестностях с. Балки Запорожской обл. (на месте будущей оросительной системы), остановились, как всегда, в местной школе. В связи с отсутствием директора школы Алексей Иванович договорился с его заместителем. Вернувшись из отпуска, директор решил из школы нас выселить.

Директор приходил рано утром, до нашего отъезда в поле, и неизменно сталкивался с Алексеем Ивановичем, который специально его поджидал. На просьбу директора позвать профессора, Алексей Иванович начинал бегать вокруг школы и громко кричать: «Профессор Тереножкин!». После чего беспомощно разводил руками. Так мы и прожили в школе до окончания экспедиции, а директор школы так и не познакомился с профессором.

1. Подробнее о моей работе под руководством с Алексеем Ивановичем можно прочитать: Мурзин, 2013.

Алексей Иванович Тереножкин во время полевого сезона

Археологическая разведка. Однако следует рассказать и о причине нашего появления в Балках. В июне 1967 г. я получил телеграмму, в которой Алексей Иванович предлагал принять участие в археологической разведке на месте строительства Северо-Рогачикской оросительной системы. Через несколько дней я вместе с моим товарищем по кружку Иваном Бобьрем были в Киеве и приняли живое участие в экспедиционных сборах.

Прибыла машина из Автобазы экспедиционных машин АН УССР — грузовик ГАЗ-51 с тентом. Из кабины вышел водитель — осанистый мужчина в белой рубашке, белых полотняных брюках. Дополняли наряд белые носки и белые парусиновые туфли. Его внешний вид произвел неизгладимое впечатление на жену и коллегу Алексея Ивановича — Варвару Андреевну Ильинскую (рис. 2), которая привыкла к не очень опрятным мастерам автодела.

В первый день мы доехали до Корсунь-Шевченковского, где остановились во дворе местного музея. Пока мы с Ваней разгружали машину, Варвара Андреевна начала чистить картошку, а Николай Иванович — так звали водителя, достал чистое ведро, а затем, наполнив его водой с разведенным в ней мылом, он запустил в него все свое белое облачение и потолок его ног. Постирив таким способом вещи, он почистил туфли зубным порошком. Это вызвало очередной восторг Варвары Андреевны.

Когда картошка сварилась и была заправлена мясной тушенкой, Николай Иванович глубокомысленно изрек: «Чистить картошку — тяжелая работа, а после каждой тяжелой работы

Варвара Андреевна Ильинская, середина 1950-х гг.

надо выпить!». На слабые протесты Варвары Андреевны — мол, чистить картошку для нее удовольствие, да и водки нет, наш негибачейший водитель сообщил, что в дорогу захватил с собой 20 бутылок самогона. Алексей Иванович решил не отрываться от народа и составил ему компанию.

Проснувшись на рассвете, мы с удивлением увидели, что перед тем, как начать умываться, наш шофер налил полный стакан своей любимой жидкости и залпом выпил ее. На изумленный возглас Варвары Андреевны: «Нам же ехать надо!», Николай Иванович спокойно ответил: «Потому и пью, что ехать надо. Если не выпью, у меня глаза не видят и руки дрожат». Потом эта процедура повторялась каждое утро и мы к ней уже привыкли.

Наконец добрались до Балок. Выяснилось, что в зону будущего строительства ирригационной системы попадает около 200 курганов.

Алексей Иванович с нашей помощью составлял схемы курганных групп, Относительно

Алексей Иванович во время археологической разведки

Алексей Иванович за расчисткой тайника в северной гробнице Гаймановой Могилы

большие курганы бурили с помощью колодезного бура. Наиболее высоким среди них оказался 9-метровый курган, которые местные жители называли Гаймановой Могилой. Было сделано несколько попыток пробурить и ее с целью определить мощность могильного выкида. Но на глубине около 5 м бур неизменно попадал в слои рыхлого грунта и стенки скважины начинали осыпаться.

Раздосадованный Алексей Иванович написал записку, которая начиналась словами: «Тем дуракам, которые начнут копать этот курган...», положил ее в пустую бутылку, надежно закупорил последнюю и опустил в буровую скважину.

Через год, когда Василий Иванович Бидзия приступил к исследованиям Гайманки, эта записка была найдена. Она сыграла свою роль, когда проходка входных ям застопорилась. Василий Иванович вспомнил, что на данный момент опыт раскопок больших скифских курганов есть только у Алексея Ивановича (именно он исследовал в начале 50-х гг. Мелитопольский курган, применив крепление входных ям) и вызвал его в экспедицию. С помощью А.И. Тереножкина дело было налажено, в Северной гробнице Алексей Иванович обнаружил тайник, в котором и была найдена знаменитая чаша (рис. 4).

Но вернемся к событиям разведки. Вскоре заболела Варвара Андреевна и уехала в Киев. Покинул нас и Иван. Он в этом году окончил среднюю школу и ему надо было подыскать себе подходящую работу. Наша экспедиция сократилась до трех человек.

Наши бытовые обязанности Алексей Иванович распределил так: я отвечал за завтрак, Алексей Иванович — за обед, водитель — за

ужин. На завтрак я обычно разогревал пару банок венгерского гуляша, обедом нам служили пара больших арбузов с черным хлебом. Вечером наш водитель говорил одну и ту же фразу: «Одной бутылки мало, две много!». Затем командовал мне, как самому молодому: «Слава сбегай в магазин, купи бутылку водки и две бутылки “Білого міцного”!». На этом его участие в подготовке ужина завершалось.

Я получал от Алексея Ивановича необходимую сумму, а когда возвращался с требуемыми продуктами, Алексей Иванович доставал из багажного ящика палку сырокопченой колбасы, большое количество которой он захватил с собой из Киева, и тонко нарезал ее. Я мыл помидоры и огурцы, резал хлеб. В «полноценном» ужине я участия не принимал — мне не исполнилось тогда даже 16 лет, поэтому я довольствовался лишь колбасой.

После ужина Николай Иванович развлекал нас своими рассказами. Он много лет работал на академической автобазе экспедиционных машин и имел свою точку зрения относительно различных научных изысканий.

«Археология — говорил он — не вредная, и не полезная. Вышел на пенсию и занимайся археологией, если время некуда больше девать». Самая хорошая профессия у тех, «кто рыб изучает» — т.е. ихтиология. «Выедем на берег моря — продолжал он мысль, поймем осетра — всем нельзя, а нам для науки можно. Его нужно заспиртовать, а такой банки у нас нет. Поэтому замерим его от носа до хвоста, а потом осетра съедим, а спирт выпьем!».

После разведки мы разъехались по домам и наша следующая встреча с Алексеем Ивановичем произошла лишь летом следующего года

Как мне носки рисовали. В 1968 г. я окончил среднюю школу и для «подготовки» к вступительным экзаменам в университет отправился в экспедицию, которой, опять-таки, руководил А.И. Тереножкин. Экспедиция исследовала курганы вблизи с. Ивановка, что неподалеку от современного г. Энергодар (Запорожская обл.). Жили в одноэтажной, так называемой «старой» школе, поскольку в селе была еще недавно построенная трехэтажная «новая» школа.

Однажды к нам пришла молодая учительница и сообщила, что директор школы хочет организовать встречу учеников с археологами. Варвара Андреевна отобрала группу сотрудников, которые должны были сопровождать ее и Алексея Ивановича на это мероприятие. Приказала собираться и мне. Тогда я еще не был даже студентом, правда, мне доверяли исследовать небольшие курганы и вести соответствующую полевую документацию. Так мои учителя готовили меня к будущей самостоятельной работе.

Подозреваю, что все же не это было причиной ее решения. После встречи планировался сов-

местный обед и она решила дать мне возможность полакомиться вкусной сельской пищей.

Я соответственно экипировался — одел различные брюки, вязанную болгарскую (по тем временам дефицитный импорт) тенниску, хорошие туфли.

Варвара Андреевна все это решительно забрала. Взамен она извлекла из багажного ящика Алексея Ивановича и выдала мне его брюки, пошитые, вероятно, не позднее середины 1950-х гг., его сорочку и туфли.

Сорочка была туго накрахмалена и ее воротник резал шею, а брюки оказались коротковаты и между носками и широкими отворотами брюк оказались видны мои неприкрытые ноги. Поэтому Варвара Андреевна приказала мне носки снять вовсе, затем посадила на табурет и начала наносить мне разноцветными шариковыми ручками (они только появлялись в нашем обиходе; в основном их привозили из зарубежных поездок) горизонтальные полоски на моих голых ногах. При этом она давилась смехом, но мне было совсем не до смеха, когда в актовом зале школы нас вывели на сцену и ниже моих (вернее, Алексея Ивановича) коротких брюк зрителям открылся живописный шедевр Варвары Андреевны.

В дальнейшем, в студенческие годы, экспедиционный период мне приходилось делить на две части — в июле я работал в университетской экспедиции Бориса Андреевича Шрамко на Бельском городище, а в августе и сентябре (декан разрешал мне задерживаться в экспедиции до октября вместо поездки на сельхозработы) — у Алексея Ивановича.

Пройдя аспирантуру при украинском Институте археологии, где моим научным руководителем была Варвара Андреевна Ильинская, я начал работать в этом же Институте, в Отделе скифо-сарматской археологии, которым руководил Алексей Иванович.

* * *

После войны моя прабабушка, бабушка и будущая моя мама, тогда еще девочка-подросток, оказались в г. Мелитополе. В разрушенном городе жилья не было. Тогда они под руководством прабабушки, Марии Ивановны, слепили своими силами маленький домик из самана в районе самостроев — Юровка.

Как-то, приехав домой в Запорожье, я, рассказывая об Алексее Ивановиче, упомянул о том, что именно он исследовал Мелитопольский курган, который располагался на территории одной из усадеб в той же Юровке. Прабабушка удивленно всплеснула руками и поведала мне, что неоднократно водила меня, трехлетнего, посмотреть на раскопки — других-то развлечений не было.

Теперь я часто задумываюсь, была ли это случайность или знак судьбы, определивший мою встречу с Алексеем Ивановичем и связавший всю мою сознательную жизнь с изучением истории и культуры скифов?

Мурзин В. Об археологии с улыбкой. — К., 2013. — 223 с.

Одержано 19.12.2016